

УДК 811.162

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ДИАЛЕКТАХ В ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ КОНТЕКСТЕ

Е.М. Маркова

*Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
г. Москва, 117997, Россия*

Аннотация

В статье рассматриваются основные когнитивные модели названий животных в славянских языках, в том числе русском языке и его диалектах. На материале зоонимической лексики автор демонстрирует актуальность отдельных признаков представителей фауны, языковые экспликации которых выступили в роли мотивов зоонимов в процессе когнитивной и номинативной деятельности человека. Сравнение с некоторыми языками индоевропейского континуума свидетельствует о подчиненности моделей номинации животных единым ментальным процессам, свойственным разным этносам. Среди наиболее популярных мотивов наименований животных выделяются такие признаки, как цвет, особенности внешности (наличие рогов, клыков, щетины, форма лап, ушей и пр.), характерные действия и телодвижения, функции, способ добывания пищи, издаваемые звуки, запах, место обитания и др. Систематизация лексем разных лексико-семантических групп родственных языков в соответствии с их мотивом имеет не только типологическое, но и лингводидактическое значение.

Ключевые слова: когнитивная деятельность человека, номинация, мотивы, зоонимы, славянские языки, русский язык, диалекты

Любое наименование отражает эмпирический опыт человека. В процессах номинации вербализируются пути познания каждым народом предметов и явлений окружающей действительности. Следовательно, образная основа слова, мотив, послуживший толчком для словотворчества, отражают когнитивную деятельность человека. Наименование выступает элементарной формой представления когнитивного содержания, а образность является качественным свойством плана содержания языковых явлений, объективирующим его когнитивную составляющую. Образный характер отражения действительности представляет собой один из видов мышления. Языковая картина мира, являясь своеобразной материальной формой, а именно формой структурирования внешнего и внутреннего мира человека, отображает мир в зеркале языка, кодирует его с помощью языковых знаков. Любое наименование репрезентирует стоящее за ним когнитивное содержание через выделение какого-либо признака называемой вещи и имеет ассоциативную природу. Признак, положенный в основу номинации того

или иного предмета или явления действительности, ученые называют мотивом, или этимоном, или внутренней формой слова (по терминологии А.А. Потебни) [1]. Этим вопросам большое внимание уделяет в своих работах и представитель казанской лингвистической школы, историк языка Т.М. Николаева (см., например, [2]).

Говоря об отношениях между семантикой, этимологией, мотивацией и внутренней формой, нужно заметить, что *семантика* есть факт статики и синхронии; *внутренняя форма* – факт статики и диахронии: это осознаваемый носителями языка признак номинации; *этимология* слова – это забытая, стершаяся со временем внутренняя форма слова; *мотивация* слова представляет собой факт динамики, проецирующийся как на диахроническую, так и на синхроническую плоскости и имеющий отношение к познавательной, психологической, креативной стороне номинативной деятельности человека. Понятие семантической мотивированности выражает собой общность и непрерывность семантического развития лексем. При выявлении такой непрерывности перед исследователем стоит задача обнаружения того, что лежит в основании сравнения, определения того ассоциативного признака, который послужил мотивировкой нового наименования.

Языковая объективация действительности подчиняется определенным когнитивным моделям, носящим типологический характер и потому единым для представителей разных этносов (см. [3]). Продемонстрируем это положение, обратившись к наиболее актуальным признакам, послужившим основанием для номинации животных в славянских языках, в том числе русском и его диалектах.

Названия животных принадлежат к древнейшим общеславянским наименованиям, нередко индоевропейского характера, так как животные всегда обитали рядом с человеком, имели разные с ним взаимоотношения, вызывали различные его чувства, что нашло отражение в фактах номинации представителей зоономического мира. Одной из наиболее частотных мотивом является цвет номинируемого объекта действительности, это относится и к наименованиям животных. Среди излюбленных цветовых мотивом – цвета, наиболее часто встречающиеся в животном мире: коричневый, рыжий, белый.

По цвету волосяного покрова – бурому с желтоватым оттенком – получил свое название *олень* (чеш. *jelen*, пол. *jelen*, болг. *елен*, с.-х. *jělěn*), восходящее к индоевр. **(j)elenь*, **olнь* той же основы, что др.-в.-нем. *ēlo*, имеющее значение «бурый, жёлтый» (ЭСРЯ, с. 212) и сохранившееся в современном английском *yellow* «жёлтый». По цвету шерсти (коричневому) назван и *бобр* (чеш., пол. *bobr*, болг. *бъбър*) – от индоевропейского **bhebhru* – неточного удвоения того же корня, что и *бурый* (ЭСРЯ, с. 27), родственного нем. *braun* – «коричневый» (откуда нем. *der Bär* – «медведь», образованное по аналогичной модели «коричневый цвет» → «животное этого цвета») (ČES, s. 84).

Рыжий, желтый цвет является яркой характеристикой животного и потому не мог остаться без внимания субъекта номинативной деятельности. Этот когнитивный признак был положен в основу названия *лисы* (чеш. *liška*, др.-чеш. *lisa*, пол. *lis*, *lisica*, болг. *лисица*, с.-х. *līs*, *lišica*), что подтверждается и материалом русских диалектов, где *лисий* – «желтоватый» (СРНГ, вып. 17, с. 70; ЭСРЯ, с. 169), от него было образовано во вторичной номинации и название гриба *лисичка*. Рыжий цвет выделяет в природе и *рысь* (чеш., пол. *rys*, болг. *рис*, с.-х. *pūs*),

название которой принадлежит к одному этимологическому гнезду с лексемами: *русый, рыжий, руда, рдеть*, образованными от **rydsъ* (Фасмер, т. 3, с. 530, ЭСРЯ, с. 278), а также чеш. *rysý / ryšý, rysavý / ryšavý* «рыжеватый» (SSČ, s. 371, Фасмер, т. 3, с. 530).

Белый цвет не очень распространен в мире животных, разве что одна птица – *лебедь* (чеш. *labuť*, пол. *labędz*, болг. *лебедь*) – является, как правило, белой (недаром сочетание *лебедь белая* стало устойчивым). Название восходит к **elbēdъ* (собственно «белая птица») и является родственным лат. *albus* «белый» (ЭСРЯ, с. 165). Того же корня и слово *лебеда*, которая названа так по белому налету на листьях. Однако некоторые виды животных всё же отличает белый окрас, что стало мотивом для их номинации. Так, слово *белка* в русском языке первоначально имело видовое значение – оно обозначало данное животное только *белого* цвета, в отличие от *веверицы, веверки*, имевшей родовое значение. По характерному для них цвету различаются и зайцы: *беляк, русак, серяк* (ЛЯРНГ, с. 192).

Признак цвета оказался важным при назывании не только лебедя, но и некоторых других птиц. Так, *соловей* (чеш. *slavík*, пол. *słowik*, болг. *славей*) восходит к прилагательному **solvъ* «серый, желтоватый» (ЭСРЯ, с. 298). К этому же этимологическому гнезду принадлежат и лексемы *соловеть* «мутнеть», *соловой* – «желто-серый» (о масти животных).

В процессе номинации возможен и противоположный семантический перенос: «наименование животного» → «цвет», то есть название животного становится мотивом для обозначения цвета. Эта модель лежит в основе специфически русского цветообозначения *голубой*, мотивированного лексемой *голубь* (первоначально *голубой* – «сизый, цвета голубя-сизаря») (ЭСРЯ, с. 59, Фасмер, т. 1, с. 432). Хотя само название *голубь* (чеш., словац. *holub*, болг. *гълъб*), в свою очередь, связано с другим цветом – жёлтым – и родственно таким словам индоевропейского происхождения, как лит. *geltas*, нем. *gelb* «жёлтый» (ЭСРЯ, с. 59). Название цвета *вороной* (темно-серая масть лошади) также мотивировано названием животного с характерным темным окрасом – *вороны* (ЭСРЯ, с. 47). Во многих языках, в том числе славянских, имеется связь между названием *червя* (чеш. *červ*, пол. *czerw*, болг. *червей*) и краской красного, алого цвета – *червлёный*, чеш., словц. *červený* «красный» (ЭСРЯ, с. 362). В древнерусском языке существовало даже два существительных: *чървь* м. р. со значением «червь» и *чървь* ж. р. со значением «красная краска» (СДРЯ, т. 3, с. 1557).

Не только цвет, но и другие внешние признаки, характерные для животных, были подмечены человеком в процессе его когнитивно-номинативной деятельности. В зоонимах *корова, зубр, сохатый* (народное название лося) подчеркивается наличие рогов, клыков у номинируемых ими животных: *корова* (чеш. *krava*, пол. *krowa*, болг. *крава*) родственно лат. *cornu* «рог», нем. *das Horn* «рог» (ЭСРЯ, с. 149); *зубр* (чеш., пол. *zubr*), хотя и связано этимологически со словом *зуб*, но восходит к архисеме «острый предмет», чем характерны клыки этого животного (ЭСРЯ, с. 101); *сохатый* – восходит к общеслав. *soxa*, первоначально имевшему значение «деревянная развилка, рогатина» (ЭСРЯ, с. 300). Наличие колючей щетины выделяет дикую свинью, кабана, что стало мотивом для общеславянского названия его – *вепрь* (чеш. *vepř* «свинья»), которое, по мнению Н.М. Шанского, связано с лат. *vepres* «терновник» (ЭСРЯ, с. 36). Народное

название медведя – *косолапый* (ЛЯРНГ, с. 118) – основано на таком признаке этого животного, как наличие косолапости, неуклюжести походки как следствия кривых ног. А известное в диалектах название зайца – *ушкан, ушан* (ЛЯРНГ, с. 192) – подчеркивает такую его отличительную черту, как большие уши.

В процессе когнитивной деятельности человек подмечал, что отдельным животным свойственны определенные действия, движения, функции: способность летать, бегать, прыгать, ползать, рыть землю, долбить деревья и т. п., – что и нашло отражение в их названиях. Так, во многих языках прослеживается связь между понятиями «летать» и наименованиями птиц. Интересно, что слово *letadlo*, в современном чешском языке обозначающее «самолет» и мотивированное глаголом *létat*, является реинкарнированным: оно употреблялось еще в старочешских памятниках в значении «птица» (ESJČ, s. 328). Название быстро летающей птицы *ласточка* (чеш. *laštovice*, пол. *lastowka*, болг. *ластовица*), являющееся суффиксальным производным от общеслав. *ласта*, буквально означает «летающая туда и сюда» и является родственным лит. *lakstyti* «летать» (Фасмер, т. 2, с. 463). На универсальный типологический характер этого признака указывает и нем. *die Fliege* – «муха», образованное от глагола *fliegen* – «летать». По этому признаку в русских говорах белку иногда называют *летягой* (Даль, т. 1, с. 119), что подчеркивает ее способность «перелетать» с дерева на дерево. А вот в общеславянском названии *дятел* (чеш. *datel*), как и в укр. *довбар, добуш* (от *довбати* «долбить»), рус. диал. *долбик, долбун*, болг. *кльварь*, подчеркивается способность *долбить* кору деревьев в поисках пищи или при постройке дупла (из праслав. **dьlbtьlь*, буквально означавшего «долбящий») (ЭСРЯ, с. 80).

Языковые обозначения *змеи* у многих народов отражают характерный для нее образ передвижения – ползание. В славянских языках название *змея* (чеш. *zmije* «гадюка», болг. *змия*) считается табуистическим (ЭСРЯ, с. 99) и означает буквально «ползающая по земле», «земляная», имея отношение к слову *земля*. В русских диалектах встречается и его синоним *полоз* с той же внутренней формой – глаголом *ползать* (в диалектах *полозить*) (СРНГ, вып. 29, с. 104). Типологический характер данной номинационной модели подтверждается и данными других европейских языков: лат. *serpens* «змея» образовано от глагола *serpo* «ползать», нем. *die Schlange* «змея» – от др.-герм. *slango* «ползучий» (ср. семантику рус. *шланг*, заимствованного из немецкого), англ. *snake* «змея» – от герм. *snakan* «ползти» (ČES, s. 740).

Характерные телодвижения, объективированные в индоевропейском корне **cer-* «изгибаться, крутиться» (ČES, s. 709), лежат и в основе общеславянского названия белки – *веверица* (чеш. *veverka*, пол. *wiewiórka*), сохранившегося в некоторых русских говорах в формах *веверка, ваверка, вывюрка* (ЛЯРНГ, карта 1). Вместе с тем в русских говорах встречаются и другие ее названия, в основе которых – способность белки *прыгать* по деревьям – *попрыгунья* – и даже с помощью прыжков *перелетать* с дерева на дерево – *летунья* (ЛЯРНГ, карта 1). Таким образом, в названиях белки человеком были зафиксированы характерные для нее движения: способность быстро двигаться по дереву, крутиться на нем, изгибаться, прыгать с дерева на дерево, как будто летая.

Модель «прыгать» → «тот, кто прыгает» является распространенной и для обозначения других живых существ. Общеславянское *заяц* (чеш. *zajíc*, пол.

zajac, болг. *заец*) было образовано в соответствии с основным для этого животного действием: **zaj-* «прыгать», этимологически подкрепленное лит. *žáisti* – «прыгать» (ЭСРЯ, с. 96). Способ передвижения прыжками и характерные при этом движения ног – и в основе названия *лягушка* (от *ляга* «нога» из *лягать*). В говорах отмечается и другое ее наименование с аналогичной мотивемой – *скакуха* (ЛАРНГ, с. 193), образованное от *скакать*. По способности прыгать получили свои названия лягушка и снегирь в немецком языке: нем. *der Frosch* «лягушка» ← др.-герм. **prusko* «прыгать», нем. *der Gimpel* «снегирь» ← *gümpen* «подскакивать».

Наименования кузнечика в разных языках также мотивированы этим действием: нем. *der Grashüpfer*, англ. *grasshopper* «кузнечик» – буквально «кто прыгает в траве» (из нем. *hüpfen*, англ. *hop* «прыгать»). В славянских языках используется метафорическое название кузнечика – чеш. *koník*, укр. *коник* – из общеславянского *kuň* («конь») (на основании функционального переноса – по способности кузнечика, как и коня, прыгать) (SSČ, s. 142). Та же признаковая модель и у хорватского названия кузнечика – *skakavac* («скакавац») – от глагола *скакать* (РХВ, с. 331) (ср. с этим русское наименование лошади, предназначенной для скачек, – *скакун*). По аналогичной семантической модели было образовано и русское существительное *стрекоза* – от глагола *стрекасть* «прыгать, спешить» (следы которого сохраняются во фразеологическом выражении *дать стрекача*) (ЭСРЯ, с. 305).

По признаку номинации *осу* образно можно назвать «ткачом», так как это общеславянское наименование (чеш. *vosa* из **vopsa*, ср. лит. *vapsa*) родственно нем. *weben* «ткать» (ЭСРЯ, с. 216). По мнению субъекта номинации, *крот* (чеш. *krtek*, ст.-чеш. *krt*, пол. *kret*) – это «животное, которое копает, роет землю; копатель», так как восходит к праславянскому **krъtъ* от той же основы, что и *(*s*)*krъ* «копать, рыть» (ЭСРЯ, с. 157). Внутренняя форма этого наименования эксплицитно представлена в таких его синонимах, отмечаемых в русских говорах, как *кроторойка*, *землеройка*, *рытник* (ЛАРНГ, с. 192). По аналогичной модели образовано и немецкое диалектное название крота – *die Schermaus* – буквально «копающая мышь», лит. *kertùs* «землеройка» (ЭСРЯ, с. 157).

Быстро бегающую охотничью собаку русские называли *борзой* (а быстрого, резвого коня – *борзый*), так как в общеславянском языковом пространстве *борзый* означает «быстрый». Именно в таком значении употреблялось слово *борзый* в древнерусском языке (СДРЯ, т. 1, с. 199). В чешском, польском языках наречия *brzy* (пол. *barzy*), *brzo* до сих пор употребляются в значениях «быстро, скоро», а также «очень» (SSČ, s. 37, ČES, s. 94). В то же время борзая собака в чешском языке обозначается лексемой *chrt*, имеющей параллели и в других славянских языках: пол. *chart*, с.-х. *hrt* (из праслав. **chъrtъ*) (ESJČ, s. 207). В русских диалектах также бытует слово *хорт*, *хортица* в значении «борзая собака, ловчая, для травли» (Даль, т. 4, с. 364). В основе данного номинанта тот же характерный для номинируемого объекта признак: «быстро бегать», так как, по мнению чешских этимологов, лексема связана либо с лат. *currere* «бежать», лит. *kurti*, либо с общеславянским *skorý* «быстрый, скорый» (рус. *скорый*) (из индоевропейского корня *(*s*)*ker*) (ČES, s. 229).

Основой наименования животного может являться способ добывания пищи, действия с ней. В общеславянском мире имя *волк* (чеш. *vlk*, пол. *wilk*, болг. *вълк*) отражает хищный характер этого животного, так как связано с глаголом *волочить* (пойманную добычу), эта же модель и у родственного лит. *vilkas* «волк», образованного от *vilkti* «тащить» (Фасмер, т. 1, с. 338, ЭСРЯ, с. 45).

Признаком для номинации часто является и объект пропитания животного. Поэтому в составе некоторых русских зоонимов присутствует компонент *-ед/-яд*, что делает их внутреннюю форму прозрачной: *муравьед* (букв. «едающий муравьев»), *короед* (букв. «едающий кору деревьев»), *овод* (букв. «едающий овец»: из *ов-* «овца» и **ōd* (из **ēd*) «есть») (Фасмер, т. 3, с. 114). Хорька в русских говорах иногда называют *куроедкой*, *курятником* (ЛЯРНГ, карта 35) за его страсти к курам, а журавля – *жабником* (ЛЯРНГ, карта 35) за то, что тот питается жабами, лягушками. Как известно, и общеславянское наименование *медведь* (чеш. *medvěd*) образовано по такой же семантической модели и означает «едающий мед». Прозрачность внутренней формы наименований медведя в некоторых индоевропейских языках объясняется многими исследователями их табуистическим характером: «Это следствие словарного запрета: следуя обычаю, хорошо известному у многих народов, охотники избегали называть своим именем зверей, которых они преследуют» [4, с. 400]. Древний человек, боясь «злых сил» природы и веря в то, что словом можно навлечь на себя эти силы, заменял многие слова их описательными эквивалентами. В результате индоевропейское название медведя (сохранившееся в лат. *ursus*, франц. *ours*, итал. *orso*) было вытеснено в ряде языков такими эвфемизмами, как общеслав. *медведь*, балт. *lokys* (буквально «лизун»), герм. *Bär* («бурый») (Фасмер, т. 2, с. 589, ЛЯРНГ, с. 182).

Некоторые животные: *барсук*, *хорёк* – получили свое наименование по свойственному им резкому запаху, как правило, неприятному. Слово *барсук* является древнерусским заимствованием из тюркских языков и образовано от *бор* «пахнуть» (ЭСРЯ, с. 18). В русских говорах известно и другое его наименование, образованное на основе того же признака, – *вонючка* (ЛЯРНГ, с. 192). Этот признак вербализован и в слове *хорёк*, образованном от др.-рус. *дъхорь* «пахнувший» (чеш. *tchor*, пол. *tchorz*, рус. диал. *тхорь*, *тхорик*), производного от **dъchnuti* «пахнуть» и родственного словам *дух*, *затхлый* (Фасмер, т. 4, с. 270).

Животных отличают и издаваемые ими звуки, крики, пение, поэтому популярной основой для наименования является звук, ассоциируемый с тем или иным «громкоголосым» животным. Особенно часто данная мотивема используется в названиях птиц как наиболее «голосистых» представителей мира животных. Так, звукоподражание лежит в основе орнитонима *кукушка* (чеш. *kukačka*). *Выпь* и *филин* также названы по характерному для них крику, напоминающему вопль, стон: *выпь* ← *вопить* (ЭСРЯ, с. 51); *филин* (первоначально *квилин*) ← *квилити* «стонать, плакать» (ЭСРЯ, с. 243); в украинском языке до сих пор сохраняется глагол *квилити* в значении «стонать, жалобно кричать» (о птицах). В чешском языке *выпь* также названа по характерному для нее крику, но для чехов (а также сербов, хорватов, некоторых других славянских народов) он ассоциируется не со стоном, а с ревом, подобным реву быка: в этих языках наименование *выпи* восходит к глаголам *bukati*, *bykati* «реветь»: чеш. *bukač*,

серб./хорв. *букавац* – и является родственным слову *бык* с той же мотивемой (буквально «ревуший») (ESJČ, s. 76). Интересно, что в южнорусских говорах слово тюркского происхождения *бугай*, обозначающее племенного быка, стало обозначением и *выпи*. Подобный семантический перенос стал возможен благодаря тому, что звуки, издаваемые выпью, в чем-то напоминают рев быка. В словаре В.И. Даля приведены и другие, народные названия выпы, мотивированные также различными звукоподражательными глаголами: *зук* ← *зукать* «издавать глухой или отрывистый звук», *ухало* ← *ухать* «громко и отрывисто кричать», *бухало*, *бухалень*, *бучень* ← *бухать*, *бучать* «издавать глухой звук» (Даль, т. 1, с. 299).

Звукоподражательный характер носят названия курицы и петуха: рус. диал. и устар. *кур*, чеш. устар. *kur*, диал. *kura*, укр., болг. *кур* «петух». Устар. и диал. *кочет* «петух» (буквально «крикун») связано чередованием с *кокот* (ц.-слав. *кокоть*, ст.-чеш. *kokot* «петух», серб. *kokoška* «курица») и восходит к праслав. **kočety* из **kokety*, является родственным современному чеш. *kohout*, пол. *kogut* «петух», а также франц. *coguet* (Фасмер, т. 2, с. 422, ČES, s. 283). Зооним *петух* (а также диалектные *петун*, *невун*) (ЛЯРНГ, с. 193), восходящий к глаголу *петь*, имеет также эквиваленты в других славянских языках, мотивированные тем же признаком: укр. *півень*, серб. / хорв. *певац*. Аналогичная модель наблюдается и в неславянских языках, например, нем. *der Hahn* ← лат. *cano* «пою». *Журавль* также назван по характерному для него крику – от общеславянского **geravъ* (ЭСРЯ, с. 88) (в диалектах известна и форма *жарав*) (ЛЯРНГ, с. 192); с тем же звукоподражанием в основе (*ger*), что и в др.-прус. *geraw*, арм. *krunk*, нем. *der Kranich* (ЭСРЯ, с. 88). Голосовой признак был положен и в основу общеславянского наименования *гусь* (производного от *ga-*, ср. с нем. *die Gans*) (ЭСРЯ, с. 66), в диалектах известного и как *гаган* (ЛЯРНГ, с. 193), а также в основу русского диалектного названия утки – *кряква* (ЛЯРНГ, с. 193).

По характерным звукам, издаваемым животными, названы *свинья* (чеш. *svině*, болг. *свиня*, серб. *svinja* из **svinъ*, восходящего к звукоподражательному **su-*) (Фасмер, т. 3, с. 579); *хряк* (от *хрюкать*) (ЭСРЯ, с. 355); *суслик* (др.-рус. *сусоль*, чеш. *sysel*, пол. *susel*, болг. *съсел* от той же основы, что и ст.-слав. *сусати* «шипеть») (Фасмер, т. 3, с. 809). *Сурок* (из тюрк. *сур*) получил свое имя по характерному для него свисту, недаром исконно русским, народным его названием является лексема *свистун* (ЭСРЯ, с. 308) (ср. с аналогичной мотивемой в чеш. *svišť*, пол. *swiszc* «сурок») (ČES, s. 618). Лягушку в русских говорах по тому же основанию – издаваемому специфическому звуку – называют *квакалка*, *квакуша*, *квокча*, *квохтуха* (ЛЯРНГ, с. 193).

Место обитания животного, типичная для него среда также могли служить мотивом для его наименования. Народные названия некоторых животных часто указывают на место их обитания: ласточку иногда называют *береговухой* из-за того, что она вьет гнезда по берегам (ЛЯРНГ, с. 192); лягушку зовут *бучень* (*бучилом* называют в диалектах «окно на болоте, водоворот, омут, яму, впадину»), а также *баковка* (вероятно, по диалектному же названию болота – *багно*) (ЛЯРНГ, с. 193); крота – *землошник* (так как он живет в *земле*) (ЛЯРНГ, с. 192); по этому же признаку и дождевого червя именуют в говорах *земляник*, *земляк* (ЛЯРНГ, с. 193); медведя в народе зовут *лесовик*, *лешак* (ЛЯРНГ, карта 21). Барсук, о способе номинации которого в русском языке говорилось выше, в чешском

обозначается лексемой *jezevec*, известной и в других славянских языках: ц.-слав. *jazvьсь*, пол. *jazwiec*, словац. *jazvec*, серб. *jazavac*. Данное наименование связывают со словом *jezviny, jezvinec* – «деревья с многочисленными дырами и дуплами» (ČES, s. 249), в которых обитали данные зверьки.

В процессе когнитивной деятельности человек осуществляет номинацию познаваемых объектов действительности, которая происходит путем выделения каких-либо признаков номината, уже объективированных в языке. Эти признаки носят типологический характер, и выделение их имеет не только собственно лингвистическое, но и лингводидактическое значение. Систематизация лексем разных лексико-семантических групп родственных языков (в нашем случае славянских) в соответствии с их мотивемой является одним из способов группировки лексики с целью ее изучения в иноязычной аудитории. Так, проанализированные нами лексем-зоонимы демонстрируют ряд определенных номинативных моделей, основу которых составляет какой-либо характерный для называемого животного признак. В названиях животных выделяется ряд следующих мотивов: цвет; характерные признаки (такие как наличие рогов, клыков, щетины, больших ушей, кривых ног и др.); сильный неприятный запах; действия, свойственные животным (способность летать, прыгать, ползать, рыть землю, извиваться, быстро бегать, долбить кору деревьев); звуки, издаваемые животным; способ добывания пищи, характер пищи (то, чем питается животное); место обитания (болото, лес, земля); отношение человека к данному животному. Признаки, послужившие мотивом номинации, составляют суть внутренней формы слова, его образную составляющую, носящую всегда ассоциативный характер, что имеет значение не только в изучении когнитивных основ номинации, но и в создании мнемических опор для запоминания и воспроизведения лексики в процессе изучения языка как иностранного.

Источники

- Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – Т. 1: А–З. – 640 с.; Т. 4: С–V. – 576 с.
- ЛАРНГ – Лексический атлас русских народных говоров. – СПб.: Наука, 2004. – 304 с., 36 карт.
- РХВ – Русско-хорватский словарь = Rusko-hrvatski rječnik. – Zagreb: Školska knjiga, 2002. – 1043 с.
- СДРЯ – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. – М.: Знак, 2003. – Т. 1: А–К. – 1420 с.; Т. 3: Р–Я. – 1684 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. – Л.; СПб.: Наука, 1981. – Вып. 17. – 383 с.; 1995. – Вып. 29. – 346 с.
- Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Астрель: АСТ, 2004. – Т. 1. – 588 с.; Т. 2. – 671 с.; Т. 3. – 831 с.; Т. 4. – 861 с.
- ЭСРЯ – *Шанский Н.М., Боброва Т.А.* Этимологический словарь русского языка. – М., 1995. – 399 с.
- ESJČ – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. – Praha: Lidové noviny, 2010. – 866 s.
- SSČ – Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. – Praha: Academia, 2003. – 648 s.
- ČES – *Rejzek J.* Český etymologický slovník. – Praha: LEDA, 2001. – 752 s.

Литература

1. *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 613 с.
2. *Николаева Т.М.* Очерки по исторической стилистике и словообразованию. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – 148 с.
3. *Маркова Е.М.* Семантическая эволюция праславянской лексики (на материале имён существительных). – М.: ИИУ МГОУ, 2014. – 312 с.
4. *Мейе А.* Общеславянский язык. – М.: Изд-во иностр. лит., 1951. – 492 с.

Поступила в редакцию
16.05.18

Маркова Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
ул. Садовническая, д. 33/1, г. Москва, 117997, Россия
E-mail: elena-m-m@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 5, pp. 1193–1202

**Cognitive Basis of Animal Names in the Russian Language
and Its Dialects in the Common Slavic Context**

E.M. Markova

A.N. Kosygin Russian State University, Moscow, 117997 Russia
E-mail: elena-m-m@mail.ru

Received May 16, 2018

Abstract

Being a form of presenting the cognitive content, any name reflects the paths of a person's cognitive activity, the associativity of thinking, which can be described in the form of cognitive models. The paper considers the main cognitive models of animal names in Slavic languages, including the Russian language and its dialects. The basis of any nomination is a sign of the nominated object or phenomenon of reality, an image that becomes its motive in the nomination process. Using animal names, the relevance of certain characteristics of fauna in the process of cognitive and nominative human action has been demonstrated. Among the most popular motives of the nomination are such signs of animals as their color, other external signs, characteristic actions (the ability to fly, jump, crawl, dig the ground, squirm, run fast, hammer the bark of trees, etc.), feeding modes and preferences (what the animal feeds on), sounds, smell, habitat, etc. Drawing the border line between such close concepts as semantics, internal form, etymology, and word motivation, it has been emphasized that the latter has to do with the cognitive, psychological, and creative sides of the nominative human activity. Comparison with some languages of the Indo-European continuum indicates the subordination of nomination models to the unified mental processes inherent in different ethnoses. Systematization of lexemes in accordance with their motive has not only typological, but also linguodidactic meaning: it can serve as a way of grouping vocabulary in teaching a foreign language.

Keywords: human cognitive action, nomination, motive, zoonyms, Slavic languages, Russian language, dialects

References

1. Potebnya A.A. *Estetika i poetika* [Aesthetics and Poetics]. Moscow, Iskusstvo, 1976. 613 p. (In Russian)
 2. Nikolaeva T.M. *Ocherki po istoricheskoi stilistike i slovoobrazovaniyu* [Essays on Historical Stylistics and Word Formation]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2000. 148 p. (In Russian)
 3. Markova E.M. *Semanticheskaya evolyutsiya praslavyanskoi leksiki (na materiale imen sushchestvitel'nykh)* [Semantic Evolution of the Pre-Slavic Vocabulary (Based on Nouns)]. Moscow, IIU MGOU, 2014. 312 p. (In Russian)
 4. Meillet A. *Le slave commun*. Paris, H. Champion, 1934. 538 p. (In French)
-

⟨ **Для цитирования:** Маркова Е.М. Когнитивные основания названий животных в русском языке и его диалектах в общеславянском контексте // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 5. – С. 1193–1202. ⟩

⟨ **For citation:** Markova E.M. Cognitive basis of animal names in the Russian language and its dialects in the common Slavic context. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 5, pp. 1193–1202. (In Russian) ⟩